

КИНОТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-184-196

Куан Сюли¹

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

ОТРАЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА И НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ В ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «НОВАЯ ЛЕГЕНДА О БЕЛОЙ ЗМЕЕ» (1992)

Древние мифы и легенды – важнейшая часть культуры многих народов. Они передаются из поколения в поколение и становятся своего рода «визитной карточкой» своей культуры. Не являются исключением в этом отношении и китайские мифы и легенды.

Одна из самых популярных китайских легенд – легенда о Белой Змее. На её основе в Китае создано множество произведений искусства, в том числе кинематографа. В данной статье рассматривается ставший известным в Китае телесериал «Новая легенда о Белой Змее» (1992) и выясняются причины его популярности. Доказывается, что причина популярности сериала состоит в умелом использовании его авторами ключевых элементов китайского фольклора и менталитета.

Ключевые слова: китайские народные легенды, легенда о Белой Змее, традиционные китайские верования, сыновняя почтительность сяо, анимизм, китайская народная культура, произведения кинематографа на основе мифов

Kuan Xuli

St. Petersburg State University (St. Petersburg)

REFLECTION OF THE CHINESE FOLKLORE AND POPULAR FAITH IN TV SERIES “NEW LEGEND OF THE WHITE SNAKE” (1992)

Ancient myths and legends are a very important part of the culture of many peoples. They are passed on from generation to generation and become a kind of “identity card” of their culture. Chinese myths and legends are no exception in this regard.

One of the most popular Chinese legends is the legend of the White Snake. On its basis, many works of art, including cinematography, have been created in China. This article examines the TV series “The New Legend of the White Snake” (1992), which became famous in China, and discusses the reasons for its popularity. It is proved that the reason for the popularity of the series is the authors’ skillful use of key elements of Chinese folklore and mentalities.

Keywords: Chinese folk legends, the legend of the White Snake, traditional Chinese beliefs, filial piety xiao, animism, Chinese folk culture, works of cinema based on myths

¹ Куан Сюли – аспирант кафедры культурологии, эстетики, философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), e-mail: st091475@student.spbu.ru.

Мифы – это рассказы, порожденные «народной или религиозной фантазией, в которых дается в художественно-образной форме объяснение различных явлений природы либо осмысление, обоснование явлений культуры или религиозных обрядов» [Токарев, 1974, с. 220]. А легенда – это «жанр фольклорной несказочной прозы, осмысляющий чудесные события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей, со сверхъестественными существами» [Зуева, 2010, с. 138]. Легенды служат примером следования персонажами традиционным народным ценностям, проявления ими героизма; сами по себе они представляют вымысел (впрочем, возможно, иногда имеющий под собой некую реальную историческую основу), но содержат отдельные элементы (например, привязку к реальным географическим регионам), придающие вымышленной истории правдоподобный характер. Часто легенды включают в себя описания разного рода чудес. Со временем они могут трансформироваться, изменяться, благодаря чему сохраняется их актуальность в новые эпохи [Georges, Jones, 1995, p. 7].

Различие между мифами и легендами заключается, во-первых, во времени их появления в человеческой культуре. Так, многие исследователи считают, что легенды – это нарративы, которые возникли после появления мифов в результате их трансформаций. Во-вторых, если говорить о содержании мифов и легенд, то легенды более близки к реальности, чем мифы. В-третьих, главными героями мифов, как правило, являются боги, героями же легенд – люди: мифы были призваны объяснять явления природы и, шире, всей жизни, тогда как легенды обычно повествуют о подвигах тех или иных героев. Бытование в древнем обществе мифов порождало у людей веру в одушевленность всей природы, бытование же легенд – в существование сверхъестественных существ и героев, способных их побеждать.

Анимистические образы и представления – то есть вера в живых духов тех или иных явлений природы или конкретных природных объектов – так или иначе присутствуют во многих мировых религиозных системах. Термин *анимизм* возник в Европе в начале XVIII в. Анимизм становится основой культурной теории английского этнолога-культуролога Эдварда Бёрнетта Тайлора (1832–1917). В своей известной работе «Первобытная культура» (1871) он достаточно подробно описывает анимизм первобытного общества. Тайлор считал, что уже в первобытную эпоху люди задумывались над тем, в чем состоит разница между живыми и неживыми предметами, что вызывает болезни и смерть, сон и пробуждение ото сна, что определяет характер того, что видят люди во сне, откуда берутся сновидения. Размышляя над этим, первобытный человек приписал эти явления делам незримых духов; далее он заключил, что каждое живое существо и каждый неживой объект – птицы, животные, солнце, луна, звезды – имеют свою душу и могут испытывать те же чувства и эмоции, что и люди. Так зародился анимизм. Исследователь философии Е. А. Тюгашев указывает: «Представления о духах, как констатировал Э. Б. Тайлор, имеются у всех народов и составляют “учение, наиболее отвечающее непосредственному свидетельству человеческих чувств и представляющееся первобытной философией вполне рациональным”» [Тюгашев, 2016, с. 32; внутренняя цитата по: Тайлор, 1989, с. 213].

Далее Е. А. Тюгашев пишет: «Э. Б. Тайлор показывает, что анимизм является сложным учением, базирующимся на ряде догматов и содержащим ряд доктрин. К догматам анимизма он относит положения о: а) духовных существах, управляющих явлениями материального мира; б) душах, существующих после уничтожения тел; в) иерархии духов; г) коммуникации между духами и людьми; д) необходимости почитания духов и поклонения им» [Тюгашев, 2016, с. 32; Тайлор, 1989, с. 211–212]. Что касается доктрин анимизма, то, по Тайлору в изложении Е. А. Тюгашева, в анимизме наличествуют «доктрины олицетворения, непрерывной индивидуальной жизни, преобладания воли и жизни в природе, всеобщего одушевления, переселения душ, передачи духовными существами своих личных свойств материальным предметам [Тюгашев, 2016, с. 32; Тайлор, 1989, с. 131]. «На этих доктринах основываются разнообразные первобытные практики освобождения души “к свободному и деятельному существованию”» [Тюгашев, 2016, с. 32; внутренняя цитата по: Тайлор, 1989, с. 229].

По указанию Е. А. Тюгашева, «Э. Б. Тайлор был убежден, что анимизм в самом деле составляет основу как первобытной, так и современной философии» [Тюгашев, 2016, с. 32; Тайлор, 1989, с. 211]. «Трансформированный анимизм (то есть учение о духовных существах) он [Э. Б. Тайлор. – С. К.] видел наряду с античным атомизмом в различных версиях идеализма, спиритуализма, дуализма» [Тюгашев, 2016, с. 32].

Нидерландско-американский ученый Кес Болл, также занимавшийся проблемами мифа, дал свое толкование тому, что есть миф. Он писал: «Миф – это нарратив, обладающий не явным, а скрытым авторитетом. Мифы рассказывают о событиях или ситуациях, находящихся за пределами реального мира, но основанных на нем. Описываемые в мифах события совершенно непохожи на историческую эпоху, проживаемую людьми, большинство этих событий относится к невообразимо далекому прошлому. Главными героями таких повествований обычно являются боги или другие сверхъестественные существа, но также животные, растения, первые люди на Земле либо какие-либо уникальные герои, которые меняют условия жизни всех людей вокруг» [Bolle, 2005].

Мифология – это своего рода следствие неспособности первобытных людей объяснить явления природы, которыми человек не может управлять, а тому, чем древний человек не мог управлять, он поклонялся как священному духу или даже богу. Поэтому мифология во многом пересекается с народными верованиями и даже, можно сказать, является их источником, так как народные верования, представляющие собой особое явление духовной жизни народа, постепенно формируемое им в своей многовековой жизненной практике, не берутся из ниоткуда – они восходят именно к наивным представлениям об окружающем мире, унаследованным от далеких предков. Многие элементы народных верований основаны на принципах стремления человека к благам и избегания им проблем (неурожая и т.п.), выражают представления определенных групп людей (жрецов, служителей культа) об устройстве жизни, мира и месте человека в нем.

Народные верования остаются актуальными в разных регионах мира, в том числе и в Китайской Народной Республике, несмотря на проводимую государственной властью атеистическую пропаганду. Распространенность народных верований поддерживается циркулирующими в обществе мифами и легендами, и одной из наиболее известных в Китае легенд является легенда о Белой Змее.

Легенда о Белой Змее – одна из самых трогательных в мировом фольклоре историй о запретной любви между человеком и животным – змеей. Эта легенда появилась в эпоху династии Южная Сун (или ранее), но оформилась как целостное повествование уже во времена династии Цин; она является одним из ярчайших образцов устного китайского народного творчества. Первым автором, зафиксировавшим этот сюжет в письменном виде, был собиратель фольклора Фэн Мэнлу (1574–1646), живший во времена династии Мин. В одной из книг Фэн Мэнлуна можно найти историю о красавице-змее Бай Сучжэнь, навечно запертой в пагоде Лэйфэн [Feng Menglong, 1992]. Основная идея этого сюжета в интерпретации Фэн Мэнлуна состоит в том, что красота – это проклятье, страшное, как тигр или волк; говоря об этом, он встает на позиции буддийской концепции пустоты и советует людям не сбиваться с верного пути, «не попадаться на приманку красоты» [Dai Bufan, 2006]. Легенда о Белой Змее в изложении Фэн Мэнлуна несла в себе заряд нравственного воспитания в буддийском духе. На протяжении многих веков эта легенда передавалась из уст в уста многими поколениями китайцев. Она существует во множестве разных вариантов и до сих пор является одной из самых популярных тем для создания на ее основе новых произведений искусства. В частности, она послужила сюжетным базисом для ряда театральных постановок и даже телесериалов.

Так, в 1992 году китайские кинематографисты сняли сериал под названием «Новая легенда о Белой Змее» (кит.: 新白娘子傳奇, xīn bái niángzǐ chuánqí)² с Чжао Ячжи в главной роли. Впервые он был показан по телевидению Тайваня в том же 1992 году, а затем, в 1993 году, его увидел и зритель центрального телевидения КНР; сериал стал главным телехитом года. В нем поднимаются вечные темы правды, добра, красоты, положительных и отрицательных особенностей человеческой природы, этот сериал до сих пор любим большим количеством китайских зрителей и, можно сказать, уже стал классикой китайского телевидения.

Главные герои сериала «Легенда о Белой Змее» – Сюй Сянь, Белая Змея Бай Сучжэнь, зеленый змей Сяо Цин, ставший спутником Белой Змеи, и Фа Хай, буддийский монах из легенды о Белой Змее, всячески стремящийся помешать духам навредить людям, но в этом своем стремлении нередко вредящий сам. Многим зрителям в этом сериале импонировали новаторские для того времени и не вполне соответствующие традиционной культуре идеи о свободной любви и браке, независимом от расчета и пожеланий родственников, в чем можно видеть отклик создателей сериала на стремление широких народных масс к освобождению человеческой природы от оков традиционализма.

² См.: URL: <https://youtu.be/wExj-JQAgIE>.

Сюжет сериала сводится к следующему. Когда Бай была маленькой змейкой, она была спасена от смерти молодым парнем. Чтобы отблагодарить его, она прилежно училась даосизму, а научившись, обрела человеческую форму и попала в мир людей.

Вместе с Сяо Цином красавица Бай ищет своего благодетеля, чтобы отплатить ему добром под руководством богини Гуань Инь³. Гуань Инь предрекает Бай, что та встретит своего спасителя в день Цинмин (день поминовения усопших) на Западном озере. Бай находит его, они влюбляются друг в друга с первого взгляда. Выясняется, что молодого человека зовут Сюй Сянь и он приехал на озеро, чтобы навестить могилу своих покойных родителей. Он работает в аптеке и изучает медицину. Сюй Сянь и Бай женятся и желают жить счастливо, но на всем протяжении их совместной жизни их преследует религиозный фанатик Фа Хай. Фа Хай считает, что демон (Белая Змея) навсегда останется демоном и никогда не станет хорошим, что демон не может принадлежать миру людей, откуда и проистекает его упорство в попытках разрушить семейное счастье молодой пары. Но у Бай и Сюй Сяня уже рождается ребенок. После его рождения Бай вынуждена согласиться на заключение в пагоде Лэйфэн (что буквально переводится как «башня гремящих ветров»), чтобы успокоить злых духов. Духи проклинают ее и наказывают вечным заточением, говоря: «Пока Западное озеро не высохнет или пагода Лэйфэн не падет, ты никогда не покинешь свою тюрьму»⁴.

Убитый горем, Сюй Сянь передает своего сына Сюй Шилиня на воспитание сестре и в одиночку отправляется в храм Цзиньшань, чтобы стать монахом, искупить свои грехи и вымолить у духов право для своей любимой жены Бай Сучжэнь покинуть пагоду Лэйфэн.

Двадцать лет спустя Сюй Шилинь, сын Сюй Сяня и Ба Сучжэнь, выросший и ставший красивым, талантливым юношей, узнаёт о судьбе своих родителей и решает усердно учиться, даже взять первую премию на экзамене, чтобы спасти свою мать Бай Сучжэнь. Как выясняется попутно, он оказывается живым воплощением звезды Вэньцюсин⁵, что позволяет ему успешно сдать экзамен

³ Гуань Инь в традиционной китайской культуре – это женское божество, помогающее всем, кто к ней обращается, спасающее людей от всевозможных бедствий, подательница детей. Ее образ, восходящий к буддийскому бодхисаттве, проник и в Китай, после чего Гуань Инь стала почитаться там представителями практически всех направлений махаяны – одной из наиболее распространенных ветвей буддизма, исповедуемого многими китайцами.

⁴ Здесь стоит отметить, что пагода как культовое строение появилась в Древней Индии в качестве места вечного хранения пепла тел святых монахов; с проникновением буддизма в Китай пагоды появляются и там. Постепенно они начинают восприниматься как «место силы», место обитания духов.

⁵ Вэньцюсин в древних китайских мифах и легендах – это звезда, спешествующая успеху в сфере языка, литературы и государственного управления. Человек, который умел хорошо писать и тем самым заслуживал высокую государственную должность, считался воплощением звезды Вэньцюсин, в облике которого она спускалась в мир людей. Из реально существовавших людей воплощениями звезды Вэньцюсин в китайской культуре считались поэт и государственный деятель Фань Чжуньянь, поэт и военный деятель Вэнь Тяньсян, а также судья Бао Чжэн, ставший героем ряда литературных произведений.

и поступить на службу императору. Император приказывает Сюй Шилиню известить своих родственников, и он, исполняя этот приказ, совпадающий с велением его собственного сердца, возвращается в родной город и кланяется перед пагодой Лэйфэн, чтобы увидеть свою мать Бай Сучжэнь, томящуюся в заточении. Непокколебимая сыновняя почтительность заставляет злых духов смягчить свой гнев, и Бай Сучжэнь наконец получает возможность покинуть пагоду-тюрьму, снова увидеть свет солнца и воссоединиться со своим выросшим сыном. В финале сериала Бай Сучжэнь, Сюй Сянь, Сяо Цин и Фа Хай встречаются и разрешают все свои противоречия, их добросердечие (даже Фа Хая, творившего зло, искренне желая добра) по достоинству оценивается духами, и все четверо возносятся на небеса, обретая бессмертие.

Если у Фэн Мэнлуна эта легенда предстает достаточно простой, незамысловатой историей, главной темой которой являются чувственная страсть и необходимость ее преодоления, в телесериале «Новая Легенда о Белой Змее» на первый план выходит тема любви и неприятия традиционалистских запретов в этой сфере. В новую эпоху личностная свобода становится все более осознаваемой и важной ценностью, в связи с чем в произведениях китайского искусства с 1990-х гг. началось некоторое идейно-освободительное движение: их темы становятся гораздо более свободными, нежели раньше. В современном китайском обществе начинает цениться индивидуальность, а одной из главных жизненных ценностей признаётся любовь. Принятие зрителем такой позиции позволяет понять и принять и любовь между человеком и змеей, которая в прежней, традиционной этической системе считалась бы греховной. Во многом именно поэтому сериал «Новая легенда о Белой Змее» явился новым словом в китайском кинематографе [Fu Xihua, 1995].

Хотя сюжет телесериала и отличается некоторой «странностью» в плане его фантастичности, несоответствия отдельных его ходов реальности, зрителей сериала совершенно не смущают фантастические ходы в его сюжете, так как они всецело проникаются происходящим на экране и принимают всю фантастичность его мира. У зрителей не возникает скепсиса по отношению к правдивости событий в рамках его вымышленного мира; напротив, история главных героев нашла живой отклик в сердцах многих посмотревших этот сериал. Актрису Чжао Ячжи, исполнившую главную роль, едва ли не стали называть богиней, образ Бай Сучжэнь, воплощенный ею, запомнился зрителям в первую очередь в виде нежной, доброй феи, а не белой змеи. При просмотре сериала зрителям даже не приходят в голову вопросы о том, как человек и змея могли влюбиться друг в друга и родить ребенка. А причина этого лежит в том, что рассказанная в сериале история основывается на знакомых китайцам с детства сюжетах традиционной мифологии, являющихся частью народной веры.

В последнее время исследователи стали рассматривать мифы с новых теоретических позиций. Так, возникло целое направление анализа мифов с точки зрения их роли в формировании народных верований. Эта исследовательская перспектива достигла значительных успехов в части изучения мифа как сюжета,

воспринимаемого в рамках веры как истина. Таким образом, мифология, помещенная в контекст религии, становится для людей древних обществ более правдоподобной. Такая народная вера сочетает в себе поклонение богам, возникающее спонтанно и естественным образом распространяющееся в народных массах, понятия народной этики (честь, достоинство и т. п.) и ритуалы.

Богатая древнекитайская мифология является одним из наиболее репрезентативных элементов китайской культуры и представляет собой часть китайского культурного кода, которая может быть направлена вовне и представлять китайскую культуру за рубежом. Китайские мифы поистине бесчисленны, как звезды, они повествуют о множестве богов и героев. Отражая бессилие человека древних времен перед природой, китайские мифы вместе с тем несут в себе мощный воспитательный заряд, основанный на традиционных народных ценностях и представлениях об этике. Кроме того, они отражают и исторические реалии времен их возникновения, благодаря чему приблизительно можно понять, как жили предки китайцев, чем они занимались, во что верили; это открывает возможность соотнесения реалий древней китайской культуры с реалиями современности, а также возможность проследить тысячелетнюю преемственность культуры Китая.

С древнейших времен китайский народ поклонялся природе и духам, а народные верования в полной мере отражали жизнь китайцев и их заботы. Возникшие во времена феодального общества жертвоприношения небу и земле, совершаемые правителем, постепенно стали общенациональным ритуалом, вместе с тем появлялись и разного рода «народные» жертвоприношения храмовым богам; это стало настолько важной частью китайской культуры, что эти жертвоприношения – вместе с описанием почитаемых богов и их деяний, вошедших в народные верования, – даже нашли свое отражение в некоторых местных летописях. Основанные на мифах народные верования передавались из поколения в поколение с древнейших времен, переживая разные исторические неурядицы, смены правящих династий, и до сих пор они глубоко укоренены в китайском народном сознании, что говорит о том, что они являются органической частью китайской культуры и жизни. Это и обеспечило успех телесериалу «Новая легенда о Белой Змее», создатели которого умело задействовали в его сюжете следующие три аспекта китайской народной веры.

Во-первых, это представление о долголетию и бессмертии. Древние китайцы верили в то, что, чем дольше живет человек, тем большую магическую силу он получает. Вместе с тем они были убеждены, что человек есть высшая сущность среди всех вещей и самое духовное живое существо. В этих представлениях общим является то, что человек рассматривается в них как нечто уникальное, неповторимое, высшее. А те из людей, кто проживает долгую жизнь, уподобляются живым богам. Но животные и растения в представлениях традиционной китайской веры тоже могли быть приравнены к богам. Для этого им было «необходимо» всегда быть добрыми к людям, превратиться в человека и прожить долгую жизнь. А если они, обладая магической силой, чем-то вредили людям, их считали

«вредными», злыми богами. Перед такими злыми богами у людей древнего общества постепенно сформировался страх. А победить этот страх и самих злых богов могли только силы буддизма или даосизма. В этом и стоит видеть причину популярности буддийских и даосских учений в Древнем Китае.

Так в древнекитайском обществе возник анимизм – вера в существование неких независимых, способных существовать отдельно от человека, животного или растения сил (духов), могущих управлять ими и побуждать их к совершению добрых или злых поступков. В представлении древних духи могут соединяться со своим «хозяином» и покидать его [Леви-Строс, 1992, с. 284; Козловская, 2016, с. 88].

Хотя западными исследователями традиционно считается, что анимизм начал господствовать в Китае только во времена династии Мин, уже по древнейшим китайским источникам о бессмертных святых и призраках видно, что анимистические представления существовали уже в глубокой древности и уже тогда они проникли из фольклора в литературу. Но постепенно анимизм трансформировался в веру в материализацию – возможность создания материальных объектов при помощи силы мысли и превращения одного объекта в другой. Люди верили в то, что мысли влияют на реальность («мысли материальны», как говорят в России и поныне), и видели причинно-следственные связи между явлениями, происходившими одновременно или последовательно (даже если с современной рациональной точки зрения они никак не соотносились друг с другом). Архаичное магическое мышление верило в то, что усилием воли возможно создать *нечто* из пустоты или один объект превратить в другой. Такие представления о природе вещей – предполагавшие, что одно существо по своей воле может превратиться в другое существо, – сохранялись в китайском обществе длительное время. Поэтому и для современных китайцев сюжет о том, что после тысячи лет обучения даосизму белая змея превратилась в красивую девушку, не представляется ни причудливым, ни пугающим.

Во-вторых, создатели сериала обратились к традиционному китайскому культу предков, являвшемуся неотъемлемой частью жизни китайцев на протяжении, пожалуй, всей истории Китая. «Он берет свое начало в глубокой древности (период Шан) и в измененной форме дошел до наших дней, когда одним из его проявлений является, к примеру, праздник Цинмин 清明節 (Праздник поминовения усопших)» [Кузьмин, 2016, с. 384], а также празднество «голодных духов» и обряд отправки зимней одежды усопшему предку. Знарок китайских традиций В. Я. Сидихменов по поводу культа предков пишет: «В Древнем Китае получили распространение самые различные формы культа, однако особое значение приобрел и на протяжении многих веков сохранялся культ предков, т.е. обожествление и почитание общего предка рода по мужской линии. <...> Древние китайцы уподобляли смерть долгому сну. В это время, думали они, душа покидает тело, в которое может вернуться. Чаще всего душа обыкновенного человека не возвращалась уже в покинутое тело, а продолжала свою жизнь вне облекавшей ее телесной оболочки. <...> <П>осле смерти человека его душа продолжает жить и пользоваться всем, что принадлежало ему при жизни. <...> Она по-разному

могла влиять на судьбу живых родственников» [Сидихменов, 1978, с. 68]. «Не смотря на проникновение в Китай в начале нашей эры буддизма, который рассматривал душу и ее посмертные трансформации в совершенно ином ключе, чем это делали традиционные китайские представления, культ предков сохранил свое место в народных верованиях и ритуалах» [Кузьмин, 2016, с. 384]. Он предписывает почитать умершего родственника, ухаживать за его могилой, приносить ему «дары», рассматривая его как элемент, вокруг которого строится жизнь живых. «Поэтому культ предков ориентирован на тип захоронения, позволяющий обеспечить неприкосновенность тела покойного, его сохранность и <...> оформить его посмертную телесность с целью осуществления потомками ритуально-поминальной практики. Именно посредством телесности продолжается коммуникация живых людей с духами умерших» [Закурдаев, 2019, с. 40]. Напомним, что Бай Сучжэнь и Сюй Сянь встретились именно в день Цинмин, то есть в весенний праздник поминовения усопших, причем произошло это на Западном озере, куда Сюй Сянь приехал с целью навестить могилу покойных родителей. В этой связи становится понятно, что в какойто мере герои встретились друг с другом благодаря верности Сюй Сяня культу предков, которая оценивается положительно зрителями сериала.

В-третьих, создатели сериала о Белой Змее во многом основали его сюжет на сыновней почтительности. Она также являлась (и продолжает являться сейчас) важнейшей частью жизни и мышления китайцев, ведь культ предков предполагает не только почитание мертвых, но и почтение к живым. Сыновняя почтительность – стержень многих произведений китайской литературы и философии. Так, много о ней говорил Конфуций. Он дополнил китайский культ предков императивом сыновней почтительности и поставил этот элемент выше всех прочих моральных принципов своего учения [Смирнов, 2005].

Конфуцианская доктрина оказала огромное влияние на формирование традиционных семейных ценностей в Китае, вследствие чего сыновняя почтительность (сяо) оказалась освящена авторитетом самого Конфуция. Это отмечают исследователи: «Традиционная модель семейной организации в Китае характеризовалась патриархальностью, патрилинейностью и патрилокальностью. Она сформировалась на основе конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между различными категориями родственников по крови и браку, культе предков и учении о сыновней почтительности (сяо)» [Белая, 2007, с. 142; Почагина, 2008].

Благодаря влиянию конфуцианства почтение к родителям переросло в Китае в целый культ. «Важнейшая заповедь конфуцианства, которую буквально с молоком матери впитывал в себя каждый китаец на протяжении более чем двух тысячелетий, заключалась в том, чтобы быть почтительным к родителям. Это само по себе вполне закономерное требование морали и этикета, знакомое едва ли не всем развитым религиозно-этическим учениям (“чти отца и мать свою”), было поднято конфуцианцами до необычайного уровня и стало одной из основ отношений в обществе» [Тютрина, 2017, с. 86].

Полностью следует конфуцианскому культу сыновней почтительности и Сюй Шилинь. Так, узнав о не совсем правильных поступках, ранее совершенных его матерью Бай Сучжэнь (змея не должна была превращаться в человека и создавать семью с человеком), он решил искупить ее грехи и для этого усердно учился, чтобы стать хорошим чиновником, помогать людям и тем самым вымолить у духов прощение для матери. Настолько глубокая сыновняя почтительность Сюй Шилиня растрогала этих бестелесных хозяев жизни, и его мать наконец смогла покинуть пагоду. Далее он взял в жены свою двоюродную сестру Ли Билянью именно по выбору и решению его родителей, в чем также следует видеть проявление сыновней почтительности. По сути, всю его жизнь определяет сыновняя почтительность по отношению к его матери, которую он даже не видел; для зрителей сериала такое поведение представляется в высшей степени благородным. Этот герой – едва ли не воплощение сыновней почтительности во всей китайской мифологии.

В конце этого небольшого исследования необходимо сказать несколько слов о самой легенде о Белой Змее и ее месте в китайской культуре. Так, стоит отметить, что народные верования почти всегда основываются на тех или иных мифах и легендах и оказываются очень устойчивой частью культуры, проходя в ходе истории через самые разные изменения общественной жизни. Некоторые из них обращаются в бытовые суеверия и предрассудки. Другие же занимают прочное место в современной культуре, если связанные с ними сюжеты интересуют писателей, художников, а в последнее время и кинематографистов; их произведения часто составляют золотой фонд высокой культуры и могут представлять эту культуру за рубежом, повышая ее престиж среди представителей других наций.

Легенда о Белой Змее – одна из так называемых «четырёх великих народных легенд» Древнего Китая, которая существует во множестве вариантов и представлена в большом количестве произведений искусства, популярных среди китайской аудитории. Ее сюжет динамичен, волшебен, а персонажи необычны и ярки: так, образы Бай Сучжэнь и Сюй Шилиня обрели широкую известность, по сути став одними из символов китайской мифологии и культуры.

В легендах находят свое отражение основные общественные мысли эпох их возникновения, народные верования и ценности, глубинная психология нации. В этом отношении показательна и легенда о Белой Змее. Благодаря тому, что в ней широко отражены старые народные обычаи, она дает возможность составить представление о повседневной жизни и верованиях жителей южной части бассейна реки Янцзы.

Кроме того, сюжет легенды о Белой Змее образует неразрывную связь с известными в Китае природными и культурными объектами провинции Ханчжоу, такими как Сломанный мост, пагода Лэйфэн и Западное озеро, что делает эту провинцию узнаваемой и привлекательной для посещения жителями других регионов Китая и зарубежных стран.

Легенду о Белой Змее, благодаря ее богатому нравственному, историческому и сюжетному содержанию, можно считать одним из самых ценных элементов китайского фольклорного наследия. Эта древняя легенда стала своего рода «визитной карточкой» китайской культуры, неиссякаемым источником вдохновения для творческих людей, создающих на ее основе новые произведения искусства, в том числе и популярные телесериалы, потенциально могущие прославить китайское фольклорное наследие во всем мире. За долгое время своего существования легенда о Белой Змее прошла через эпоху устной передачи фольклора, была отражена в литературных сборниках, на ее основе стали ставиться спектакли и, в позднейшее время, сниматься фильмы. В разные эпохи ее сюжет и основная мысль воспринимаются несколько по-разному: в нынешнее время тема буддистского смирения уступила место теме личностной свободы и восприятию любви между мужчиной и женщиной как высшей ценности, в чем и следует видеть новизну и вклад в современную китайскую культуру телесериала «Новая легенда о Белой Змее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белая, Е. Г.** Исторический взгляд на методологию исследования китайской семьи / Е. Г. Белая // Труды Дальневосточного государственного технического университета. – 2007. – № 146. – С. 142–149.
2. **Закурдаев, А. А.** Культ предков и буддизм в современном Китае: проблема тела и телесности / А. А. Закурдаев // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 4. – С. 38–61.
3. **Зуева, Т. В.** Легенда / Т. В. Зуева // Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 17. – Москва, 2010. – С. 138.
4. **Козловская, Е. В.** О ранних формах религиозности: материалы в помощь преподавателю / Е. В. Козловская // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (12). – С. 87–90.
5. **Кузьмин, Н. А.** Культ предков в Древнем Китае (период Шан и Чжоу) / Н. А. Кузьмин // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – № 1. – С. 384–389.
6. **Леви-Строс, К.** Структура мифа / К. Леви-Строс. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 1992. – 346 с.
7. **Почагина, О.** Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности / О. Почагина // Отечественные записки. – 2008. – № 3. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (Дата обращения: 15.08.2023).
8. **Сидихменов, В. Я.** Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Наука, 1978. – 384 с.
9. **Смирнов, И. С.** О «китайских церемониях», культе предков и старости в Китае / И. С. Смирнов // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/o-kitajskih-czeremoniyah-kulte-predkov-i-starosti-v-kitae.html> (Дата обращения: 15.08.2023).

10. **Тайлор, Э. Б.** Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – Москва: Политиздат, 1989. – 572 с.
11. **Токарев, С.** Мифология / С. Токарев // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – С. 220–222.
12. **Тюгашев, Е. А.** Э. Б. Тайлор о первобытной философии / Е. А. Тюгашев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 3. – С. 30–33.
13. **Тютрина, В. В.** Детство в китайской философии. Китайские философские теории о развитии человека / В. В. Тютрина // Вестник Московской международной академии. – 2017. – № 1–2. – С. 82–91.
14. **Bolle, K. W.** Animism and Animatism / Kees W. Bolle // Encyclopedia of Religion / editor-in-chief L. Jones. 2nd ed. Vol. 1. – Farmington Hills: Thomson Gale, 2005. – Pp. 362–368.
15. **Ё Dai Bufan.** On the history of “The Legend of the White Snake” / Dai Bufan // Beijing Culture and Art Press. 2006, – 3 p.: in Chinese 戴不凡: 《试论〈白蛇传〉故事》, 陶玮编《名家谈白蛇传》, 北京: 文化艺术出版社, 2006年, 第3页。
16. **Feng Menglong.** Stories for the edification of the world / Feng Menglong. – Shanghai; Publishing house Shanghai Ancient Books, 1992. – 460 p.: in Chinese 冯梦龙编著: 《白娘子永镇雷峰塔》, 见《警志通言》, 上海: 上海古籍出版社, 1992年, 第460页。
17. **Fu Xihua.** Introduction / Fu Xihua // Collection of dialects of song and yuan. Shanghai: Silian Publishing House, 1955. – 26 p.: in Chinese 傅惜华: 《宋元话本集·导言》, 上海: 三联出版社, 1955年, 第26页。
18. **Georges, R. A., Jones, M. O.** Folkloristics: An Introduction / Robert A. Georges, Michael Owen Jones. – Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1995. – 354 p.

REFERENCES

1. **Belaya, E. G.** Istoricheskii vzglyad na metodologiyu issledovaniya kitaiskoi sem'i / E. G. Belaya // Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2007. – № 146. – S. 142–149.
2. **Kozlovskaya, E. V.** O rannikh formakh religioznosti: materialy v pomoshch' prepodavatelyu / E. V. Kozlovskaya // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. – 2016. – № 3 (12). – S. 87–90.
3. **Kuz'min, N. A.** Kul't predkov v Drevnem Kitae (period Shan i Chzhou) / N. A. Kuz'min // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2016. – T. 46. – № 1. – S. 384–389.
4. **Levi-Stros, K.** Struktura mifa / K. Levi-Stros. – Sankt-Peterburg: Knizhnyi dom, 1992. – 346 s.

5. **Pochagina, O.** Sem'ya [v Kitae]: novye formy – inye tsennosti / O. Pochagina // Otechestvennyye zapiski. – 2008. – № 3. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (Data obrasheniya: 15.08.2023).
6. **Sidikhmenov, V. Ya.** Kitai: stranitsy proshlogo / V. Ya. Sidikhmenov. Izd. 2-e, ispr. i dop. – Moskva: Nauka, 1978. – 384 s.
7. **Smirnov, I. S.** O «kitaiskikh tseremoniyakh», kul'te predkov i starosti v Kitae / I. S. Smirnov // Otechestvennyye zapiski. – 2005. – № 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/o-kitajskih-czeremonyah-kulte-predkov-i-starosti-v-kitae.html/> (Data obrasheniya: 15.08.2023).
8. **Taylor, E. B.** Pervobytnaya kul'tura / E. B. Taylor. – Moskva: Politizdat, 1989. – 572 s.
9. **Tokarev, S.** Mifologiya / S. Tokarev // Slovar' literaturovedcheskikh terminov / red.–sost.: L. I. Timofeev i S. V. Turaev. – Moskva: Prosveshchenie, 1974. – S. 220–222.
10. **Tyugashev, E. A.** E. B. Taylor o pervobytnoi filosofii / E. A. Tyugashev // Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2016. – № 3. – S. 30–33.
11. **Tyutrina, V. V.** Detstvo v kitaiskoi filosofii. Kitaiskie filosofskie teorii o razvitiu cheloveka / V. V. Tyutrina // Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii. – 2017. – № 1–2. – S. 82–91.
12. **Zakurdaev, A. A.** Kul't predkov i buddizm v sovremennom Kitae: problema tela i telesnosti / A. A. Zakurdaev // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. – 2019. – № 4. – S. 38–61.
13. **Zueva, T. V.** Legenda / T. V. Zueva // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya v 35 t. T. 17. – Moskva, 2010. – S. 138.
14. **Bolle, K. W.** Animism and Animatism / Kees W. Bolle // Encyclopedia of Religion / editor-in-chief L. Jones. 2nd ed. Vol. 1. – Farmington Hills: Thomson Gale, 2005. – pp. 362–368.
15. **Dai Bufan.** On the history of “The Legend of the White Snake” // Beijing Culture and Art Press, 2006, – 3 p.
16. **Feng Menglong.** Stories for the edification of the world // Publishing house Shanghai Ancient Books, 1992, – 460 p.
17. **Fu Xihua.** Collection of dialects of song and yuan Introduction // Shanghai Silian Publishing House, 1955, – 26 p.
18. **Georges, R. A., Jones, M. O.** Folkloristics: An Introduction / Robert A. Georges, Michael Owen Jones. – Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1995. – 354 p.

ЮБИЛЕИ

Н. Г. Михновец¹

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА А. Н. ОСТРОВСКОГО. К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА И. А. ОВЧИНИНОЙ

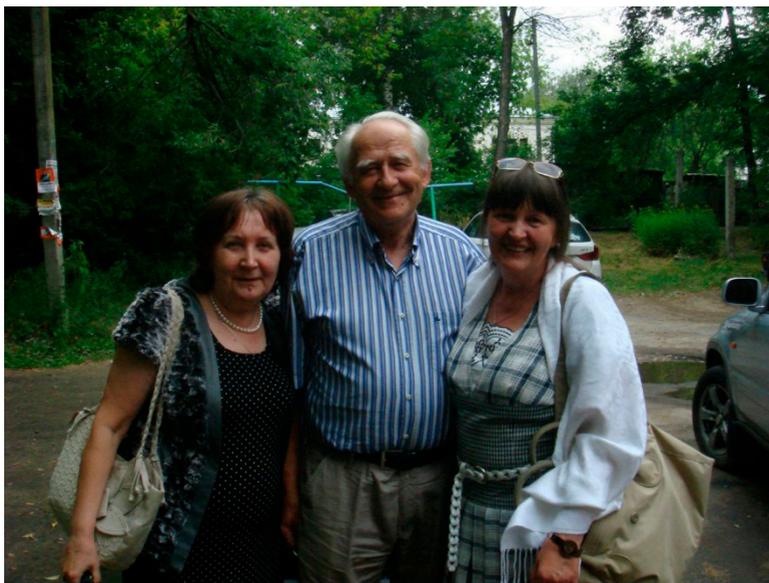
Практически вся научная деятельность И. А. Овчининой связана с изучением русской драматургии и прежде всего творчества А. Н. Островского. В 1980 году она защитила кандидатскую диссертацию «Драматургия Л. А. Мея (эволюция метода)», после чего её интерес был сосредоточен на исторической драматургии, которая в свою очередь побудила исследовательницу осмыслить творчество А. Н. Островского в целом. Великому драматургу была посвящена докторская диссертация (2000), где рассматривались этапы его творчества в аспекте эстетики национального быта и характера. В старинном русском городе Шуе Ирина Алексеевна создала Центр изучения творческого наследия А. Н. Островского, и в Шуйском государственном педагогическом университете прошли представительные научные конференции, материалы которых были освещены в двухтомном издании «А. Н. Островский в движении времени»: в 2-х т. (2003), а также в четырех выпусках «А. Н. Островский. Материалы и исследова-

¹ Надежда Геннадьевна Михновец – доктор филологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой русской литературы РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), член Международного общества Ф. М. Достоевского, mikhnovets@yandex.ru.

ния» (Шуя, 2006, 2008, 2010; Иваново, 2013). Составителем и научным редактором каждый раз была Ирина Алексеевна. Почин по осуществлению нового этапа в изучении творчества национального драматурга был поддержан В. П. Мещеряковым, А. И. Журавлевой, Ю. В. Лебедевым, А. А. Ревякиной.

Многие годы Ирину Алексеевну Овчинину связывали профессиональные и дружеские отношения с ведущим островковедом – Анной Ивановной Журавлёвой. Они были единомышленниками, в их беседах зарождался план создать персональную энциклопедию А. Н. Островского. Инициатором выступила И. А. Овчинина, и задуманное было осуществлено: в 2012 году вышла в свет энциклопедия «А. Н. Островский» (далее ЭО). А. И. Журавлёва тяжело заболела и успела написать для нее только несколько статей.

Работа над энциклопедией шла несколько лет. Обладая даром организатора, И. А. Овчинина собрала творческий коллектив, в который вошли историки и теоретики русской и зарубежной литературы, лингвисты, искусствоведы, музыковеды и театроведы, специалисты по музейному делу. Всего 100 авторов. «География» участников: от Германии и Великобритании до Украины и России; от Санкт-Петербурга и Москвы до Саратова и Пятигорска. Несколько авторов представили музей-усадьбу А. Н. Островского – Щельково. В качестве заместителей главного редактора выступили известные ученые: В. П. Мещеряков, В. В. Тихомиров, Л. В. Чернец. В редакционную коллегию вошли А. И. Журавлёва, Н. С. Ганцовская, Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, Г. И. Орлова, А. А. Ревякина. Кроме того Ирина Алексеевна заинтересовала и привлекла молодых исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы, Иваново, Костромы.

На фото: И. А. Овчинина, Ю. Лебедев, Н. Г. Михновец

В качестве образца для энциклопедии «А. Н. Островский» Ириной Алексеевной и группой единомышленников была избрана «Лермонтовская энциклопедия» (1981). В разработке обширного словника ЭО приняли участие И. А. Овчинина, Г. И. Орлова, В. В. Тихомиров, Е. А. Рахманькова, Л. В. Чернец.

В энциклопедическом издании был представлен и систематизирован огромный материал, в научный оборот введены новые сведения и новонайденные материалы, существенно расширена история творческих связей драматурга и современников, описана история прижизненных изданий его произведений, а также этапы развития островковедения. Авторы проследили историю освещения творчества драматурга как в журналах, имеющих широкую читательскую аудиторию («Москвитянин», «Современник», «Библиотека для чтения», «Время» и «Эпоха», «Вестник Европы», «Отечественные записки»), так и в малоизвестных периодических изданиях («Женское образование» «Дневник русского актера», «Русская сцена», др.). В энциклопедию включены статьи, посвященные поэтике Островского («Жанры», «Заглавие», «Рамочный текст», «Собственные имена», «Список действующих лиц» и др.).

Вкладом в островковедение стало создание для ЭО «Частотного словаря языка Островского», охватившего более 21 000 слов из художественных текстов Островского и 13 000 из текстов нехудожественных. Коллективом лингвистов руководила профессор Н. С. Ганцовская. Одновременно под руководством И. А. Овчиной осуществился другой масштабный проект: был создан «Словарь языка А. Н. Островского»: в 4 т. / под ред. И. А. Овчиной, А. А. Хуснутдинова (Шуя, 2012).

В процессе работы над энциклопедией Ирина Алексеевна чутко откликалась на новые предложения: она согласилась на расширение театроведческой направленности издания и уже на последнем этапе (незадолго до публикации) ввела большой раздел «Свод сведений о постановках пьес Островского», где были представлены рейтинги драматических спектаклей Александринского театра в Санкт-Петербурге и Малого театра в Москве с 1853 по 1899 г. Развернутая репертуарная картина позволила существенно обновить представления о месте драматургии Островского в русском театре второй половины XIX в.

Для энциклопедии сама И. А. Овчинина написала более тридцати статей, они посвящены и отдельным произведениям драматурга («Горячее сердце», «Без вины виноватые», «Грех да беда на кого не живёт», др.), и его современникам («Гедеонов С. А.», «Данилевский Г. П.», «Мей Л. А.»), и первым публикациям писателя в газетах и журналах («Московский городской листок», «Москвитянин»), и истории изучения его наследия («Изучение жизни и творчества А. Н. Островского»).

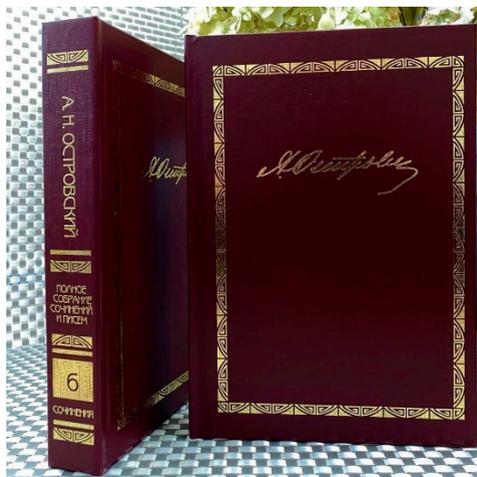
Индивидуальному общению с каждым из авторов, редактированию статей Ирина Алексеевна безоглядно отдавала все свое время. Как научный редактор она решила много сложных задач в деле освоения и сведения в единое целое многопланового материала. Кроме того, ей впервые пришлось постигать и учитывать разнообразные технические требования, а также неукоснительно выполнять сроки, поставленные Федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.), в рамках и при поддержке которой осуществлялась работа над изданием.

В итоге авторский коллектив под руководством И. А. Овчиной представил современный взгляд на творчество национального драматурга, энциклопедия стала важной вехой в изучении жизни и творчества А. Н. Островского. В целом Ирина Алексеевна как составитель и главный редактор успешно осуществила масштабную и плодотворную работу. На событие выхода энциклопедии, важное в культуре нашей страны, незамедлительно откликнулись ведущие газеты («Российская газета», «Литературная газета») и научные журналы («Русская литература», «Вестник Московского университета»)².

На презентацию энциклопедии, проходившей сначала в родном для Ирины Алексеевны городе Шуя, затем в московском музее-усадьбе А. Н. Островского, собрались авторы энциклопедических статей, московские режиссеры и актеры, ставившие пьесы А. Н. Островского и игравшие в них. И вновь организатором и вдохновителем двух творческих и незабываемых встреч была Ирина Алексеевна. Было понятно, что она органично включена в широкий литературоведческий и театральный мир России.

По завершении работы над энциклопедией авторскому коллективу и в первую очередь Ирине Алексеевне стало очевидно, что назрела необходимость издания Полного собрания произведений и писем А. Н. Островского: были найдены новые архивные материалы, в том числе автографы драматурга, открыты новые факты его биографии.

² См. рецензии: Табориская, Е. М. Энциклопедия «А. Н. Островский» // Русская литература. 2013. № 3. С. 237–241; Капырина, Т.А. А. Н. Островский: энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 660 с.; Капырина Т. А. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 3. Критика и библиография. С. 197–198; Ревякина, А.А. А. Н. Островский: энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 660 с.; А. А. Ревякина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. 2012. № 4. С. 134–139; Таганов, Л. Островский от А до Я / Л. Таганов // Литературная газета. 2012. № 48 и др.

И. А. Овчинина решила начать работу, позвала своих коллег на встречу, и они откликнулись, приехав на один только вечер в Иваново из Санкт-Петербурга, Москвы и Костромы, чтобы обсудить план работы. В 2013 г. году началась трудоёмкая работа по подготовке Полного собрания сочинений и писем. Подтвердилась правота И. А. Овчиной: еще не всё, вышедшее из-под пера национального драматурга, опубликовано в нашей стране. Е. А. Рахманькова, ученица Ирины Алексеевны, нашла считавшуюся навсегда утраченную рукопись либретто А. Н. Островского «Сват Фадеич». Н. Г. Михновец обнаружила черновой автограф либретто по пьесе «Не так живи, как хочется», первую цензурованную писарскую копию комедии «Шутники» для режиссёра. И до сего дня И. А. Овчинина уверена, что эпистолярный А. Н. Островского обширен и его ещё предстоит собрать воедино. Ирина Алексеевна очень внимательна к переводческой деятельности А. Н. Островского, и ей удалось собрать специалистов, которые раскрыли эту малоизученную область деятельности писателя.

К концу октября 2023 г. в издательстве «Костромаиздат» в свет вышло шесть томов из намеченных 18-ти. В процессе подготовки каждого из шести томов И. А. Овчинина настаивала на тщательном изучении рукописных источников, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Именно это и позволило авторам устранить недочеты, ошибки и опечатки, допущенные в предыдущих изданиях. Она твердо стояла на своем: надо составить полный список редакций и вариантов произведений Островского, представить его читателю. Главный редактор издания убеждена, что предпринятый «свод редакций и вариантов наглядно демонстрирует специфику работы драматурга над текстом, помогает выявить и осветить его творческую историю».

Уникальна работа И. А. Овчиной: с каждым автором кропотливо и многократно, порой на протяжении нескольких часов и не один день, обсуждается текстологическая работа, каждое положение в историко-литературном

комментарии пристально рассматриваются, многое перепроверяется по несколько раз. Огромный и многоплановый опыт главного редактора обобщен Ириной Алексеевной в статье «Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А. Н. Островского» (2017).

Сейчас коллективом авторов под руководством И. А. Овчининой подготовлены к публикации следующие 7-й и 8-й тома, а также 13-й и 14-й. В последних впервые так полно представлены переводы Островского с английского, французского, испанского, немецкого, итальянского, латинского языков, то есть в них содержатся, помимо известных, ранее не изученные материалы. Необходима материальная поддержка для издания этих томов: если ранее публикации осуществлялись за счет научных фондов (1–3 тт.), Костромаиздата и личного вклада И. А. Овчининой и её коллег (4–6-й тома), то сейчас вопрос публикации открыт.

Хочется поздравить Ирину Алексеевну с 75-летием и пожелать ей творческих успехов. Её плодотворное и мужественное, подвижническое служение А. Н. Островскому вызывает глубокое уважение и искреннее восхищение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **А. Н. Островский: энциклопедия** / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
2. **Александр Николаевич Островский** (Овчинина И. А.) / И. А. Овчинина // История русской литературы XIX века. 1840–1860-е годы. – Москва: Изд-во Оникс, 2006. – С. 328–381.
3. **Овчинина, И. А.** А. Н. Островский. Этапы творчества. – Москва: Энциклопедия сел и деревень, 1999. – 221 с.
4. **Овчинина, И. А.** Национальный характер в исторических пьесах драматурга / И. А. Овчинина // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. ст. в память об Александре Ивановиче Ревякине. – Москва: Intrada, 2003. – С. 136–150.
5. **Овчинина, И. А.** Национально-религиозные основы драматургии А. Н. Островского / И. А. Овчинина // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – Москва: Пашков дом, 2007. С. 239–259.
6. **Овчинина, И. А.** А. И. Журавлёва об Островском / И. А. Овчинина // Памяти Анны Ивановны Журавлёвой: сб. ст. – Москва: Три квадрата, 2012. – С. 86–93.
7. **Овчинина, И. А.** Создание Полного собрания сочинений и писем А. Н. Островского как научная проблема / И. А. Овчинина // А. Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2013. Вып. 4. – С. 3–8.
8. **Овчинина, И. А.** Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А. Н. Островского / И. А. Овчинина // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 84–88.